

УДК 82

СИМВОЛИКА ЛЕБЕДЯ В СВАДЕБНЫХ ОБРЯДАХ

**ЯМАГУТИ
РЁКО**

*доктор филологических наук,
преподаватель,
Университет Досиса, факультет глобального и
регионального исследований,
Киото, Япония, cjv52910@icloud.com*

Ключевые слова:

символика
лебедь
жизненный цикл
свадьба

Аннотация:

Многие исследователи занимались символикой лебедушки и связей свадебных ритуалов с похоронными в русских свадебных причитаниях. Генезис и становление всех признаков данного жанра невозможно проследить, рассматривая этот феномен только в узких национальных рамках. Нам кажется, что существует скрытый смысл, который, может быть, связан с карельской культурой. Цель нашего исследования – раскрыть, почему в свадебных причитаниях невеста изображается именно в виде лебедя. Новизна исследования состоит в том, что до сих пор изучение ограничивалось в основном описанием и имеет ценность только с точки зрения систематизации материала. Но в этой статье рассматривается взаимодействие с карельской культурой и обнаруживается характер русского свадебного обряда.

© 2024 Петрозаводский государственный университет

Получена: 28 ноября 2024 года

Опубликована: 27 декабря 2024 года

Введение

Р. П. Потанина писала:

Русские свадебные песни, как и другие жанры устного народного поэтического творчества, зазвучали в Сибири с приходом сюда первых русских засельщиков, принеших с собою выработанные веками народные обычаи, обряды, традиции; начало освоению русскими сибирских земель положено в 16 в. На новых землях переселенцы старались сохранять традиции тех мест, откуда пришли, хотя новые условия жизни оказывали свое влияние [14: 3].

Язык обряда имеет поэтическую природу, соотносится с конкретной ситуацией обряда и передает его сюжет символически. В русских свадебных песнях невеста часто называется «лебедью». Не ставя своей целью дать полный перечень этих мотивов, мы сосредоточимся на причитаниях Севера, свадебных обрядовых песнях Сибири, собиравшихся в XX веке. Ниже мы приводим таблицу «Образ птицы в свадебных причитаниях Русского Севера (РС)» [13].

Из приведенных примеров в таблице РС видно, что невеста или подруги невесты называются лебедушкой. Иногда подруга называется голубушкой, ласточкой или пташечкой. На Севере широко распространены мотивы птиц, сравнимо с образом птиц в свадебных обрядах Сибири. В Сибири часто появляется петух, который вещает время разлуки между невестой и родителями:

Петухи рани утрени,
Вы не пойте по утру рано,
Дайте спать батюшке
Со родимую матушкой [14: 43–44].

Невеста проклинает сватью и просит Господа Бога сделать так, чтобы сватья стала нищей. В

другом причитании Сибири невеста также высказывает пожелание сватам не увидеть солнца красного и свету белого. Эти слова как будто заклинания. Но в сибирских свадебных песнях нет известных сцен, где лебедушка-невеста уходит от стада лебедушек-подруг, как на Севере. А в определенный момент появляется образ лебедушки-невесты в свадебных обрядах Сибири – в сцене разлуки невесты с волей невесты. И наша гипотеза, что здесь невеста – обязательно именуется лебедушкой. И это не отличается на Севере или в Сибири.

К. К. Логинов в книге «Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты» писал:

Человек, проживший долгую жизнь, проходит последовательно через возрастные периоды младенчества, детства, юности, зрелого возраста и старости. Казалось бы, с этим все предельно ясно. Однако петербургская исследовательница, Т. А. Бернштам установила, что в народной традиции русских выделялось от двух (дети и взрослые) до девяти – на Русском Севере – возрастных категорий [1: 24–25], [9: 37].

Потому что «комфортность проживания человека в крестьянской семье, его возможности влиять на внутрисемейные дела во многом зависели от индивидуального семейного статуса. Статус, в свою очередь, во многом зависел от пола, возраста, важности исполняемых хозяйственных функций и имущественных прав на общее достояние семьи» [9: 28–29], [15: 431–461].

Таким образом, в традиции Русского Севера содержатся четкие представления о статусе человека, связанные с половыми и возрастными категориями. Таблица показывает, что стая лебедей означает категорию девушек конкретного возраста. «Для девочек переход в социально-возрастную категорию “девушек” заканчивался с наступлением первых месячных... Брачный возраст, за которым надзирали представители церкви, наступал в 18 лет» [9: 40]. То есть можно считать, что лебедь в поэтическом тексте означал девушку от 18 лет до выхода замуж.

Но почему в свадебных причитаниях невеста изображается именно в виде лебедя?

Многие исследователи до сих пор занимались символикой лебедушки и связей свадебных ритуалов с похоронными в русских свадебных причитаниях. Во всех свадебных песнях, записанных Р. П. Потаниной, которые можно было бы идентифицировать как свадебные причитания, был «Плач невесты-сироты». Это открытие показывает близость к сути причитаний и образу смерти. Потому что в целом они имели магическую функцию. Эти факты не случайны.

Генезис и становление всех признаков данного жанра невозможно проследить, рассматривая этот феномен только в узких национальных рамках. Нам кажется, что этот скрытый смысл, может быть, связан с карельской культурой.

Цель нашего исследования – раскрыть, почему в свадебных причитаниях невеста изображается именно в виде лебедя.

Новизна связана с тем, что исследование вопроса до сих пор ограничивалось с основным описанием и имеет ценность только с точки зрения систематизации материала. Но в этой статье мы рассматриваем взаимодействие с карельской культурой и обнаруживаем характер русского свадебного обряда, причину того, почему русские считали лебедя волей невесты.

Образы птиц в свадебных причитаниях на Русском Севере

Книга	№ текста в книге	Цитата	Птица	Герой
РС	№12; С. 143	А как до белых-то да мне лебедушек, А до любимой моей подружечки ... Я пришла к тебе, к лебедушке	белые лебедушки, лебедушка	девицы невеста
РС	№13; С. 143.	Я ходила, бела лебедушка, Я во жарку парну баенку, ... Улетала моя девья красота, ... А как на этой на вершиночке Как сидит моя девья красота. Она ревет там по-звериному, А она свитит по-соловьиному.	лебедушка птица	невеста девья красота
РС	№14; С. 144	Уж только вышли да мы, голубшки лебедь голубушки, ... Уж она кличет по-лебединому, Уж поконайсе, наша голубушка	лебедь голубушка	подруги невесты красота невеста

РС	№17; С. 147	Эх лебедки белые вы лебедь подружуньки,	подруги	
	№ 34; С. 165	А мне проститесь, белой лебедь лебеди лебедушке, ... И со девицами белым лнбедами	невеста подруги	
	№ 59; С. 184-185	Что убуждают-то меня, голубушка лебедь глупу сизу голубушку, гусь голубушка Летит белая-то лебедь, кукушка голубушка Несет лебединое перо, Аголубушка под левым – гусиное . Не одену-то я, глупа сиза голубушка, Уж не кукует-то кукушка серая Во темном во сыром бору, Только кукую-то я, глупа сиза голубушка, Мне-ка, глупой сизой голубушке,	невеста воля замужние невеста плакальщица невеста невеста	
Русская свадьба	№ 62; С. 186-187	И я натычу да, лебедь лебедь белая, И как налетят птицы-пташицы лебеди да птицы-пташицы, И лебедь как набежат да белы птицы-пташицы лебеди – лебеди лебеди И я останусь ли, голубушка лебеди быват, лебедь белая, Налетели да птицы-пташицы, Набежали да белы лебеди. Отгони-ко да белых лебедей. Помоги-ткосе, моя голубушка, Отогнать ли да белых лебедей.	невеста подруги невеста подруги подруги сестра невесты подруги	
РС	№ 67; С. 193	Мне до стада лебединого, Мне до красну да роду девьего. Есть одна только лебедь подстрелена, Ты пожалуй-ка, наша голубушка,	подруги невеста	невеста
РС	№ 68; С. 194	Уж мы выйдем да, белы лебеди, Подойдем ле лебедь мы, белы лебеди, Ты пожалуй да, лебедь белая,	подруги невеста	подруги
РС	№ 74; С. 199	(При)летели птички ластушки да Ты ластушки лебедь пожалуй, лебедь белая да, Не плошай-ко, лебедь белая да	подруги невеста	невеста

РС	№ 81; С. 204	На меня, видно, лебедь белую,	лебедь	невеста
РС	№ 82; С. 204–205	Ой я дозналася да, лебедь белая	лебедь	невеста
РС	№ 85; С. 207	И мне сыграть ле да, белой лебеди,	лебедь	невеста
РС	№ 93; С. 212	Я стояла да, лебедь белая,	лебедь	невеста

Изначально древний человек обожествлял саму стихию леса. У карелов отголоски этого почитания сохранились как во многих фольклорных жанрах, так и в языке [4: 143]. Чаще всего объектами поклонения были самые крупные в лесу птицы и звери [4: 160]. Среди них лебедь считался священной птицей.

К. К. Логинов писал: «Преждевременная смерть иногда, как считалось, насылалась на людей за убийство лебедя – священной для северных русских птицы. Рассказывая об этом, водлозеры вспоминают Е. Г. Фадеева, самого известного охотника Водлозерья начала XX века. Говорят, что некий купец долго не мог найти охотника, который бы согласился выполнить его заказ на отстрел 12 лебедей, пух которых он хотел пустить на перину и подушки для приданого своей дочери. Фадеев выполнил заказ, думая, что грех убийства «святых птиц» падет на купца. Заработанные деньги не пошли впрок, так как время НЭПа закончилось, а на семью Фадеевых обрушились несчастья. Сначала издохла прекрасная выездная лошадь, заклеванная громадной стаей ворон, а через год умер и сам охотник. Племянница Фадеева считала, что «нечистую» смерть принесло совершение ее дядей убийства 12 лебедей [9: 350].

В карельской культуре на убийство лебедя существовало табу. Говорили, что самка лебедя – это дочь Святой Богородицы. Считалось, что если убьешь лебедя, то обязательно случится несчастье в хозяйстве, в семье, в жизни [19: 169]. Эти птицы были олицетворением не только внутренней духовной чистоты, но и внешней, физической [4: 160]. Унелма Конкка написала в своей книге «Поэзия печали», что происхождение этого табу в Карелии остается неизвестным [8: 42–43].

Приведем соображения на этот счет Н. Н. Харузина:

На вопросы, почему лебедя нельзя стрѣлять, мы не получали удовлетворительного отвѣта; обыкновенно отвѣтъ былъ подобенъ нижеслѣдующему, который намъ сообщилъ одинъ крестьянинъ, житель деревни Лядинной (недалеко отъ оз. Купецкаго): «Лебедь ужъ такая птица, она и яйца кладетъ-то какъ: всё вдвоемъ плаваетъ; одна яйца кладетъ, а другая всё около плаваетъ. И какъ одна умереть, то къ другой уже не поидеть. Опять таки, какъ она поеть». Таково было обыденное объяснение. Удалось намъ узнать еще, что стрѣляніе лебедя не проходитъ безнаказанно: провинившійся по отношенію лебедя охотникъ, наказывается падежомъ скота или другимъ несчастіемъ для него и его семьи. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удалось услышать, что лебедь похожъ на женщину, но въ чемъ это сходство выражается, намъ точно объяснить не могли: можно было лишь понять, что, по мнѣнію крестьянъ, лебедь носить яйца 9 мѣсяцевъ, какъ женщина ребенка [20: 44–52].

Итак, убить лебедя считалось великим грехом, за которым следует Божье наказание. Лебедь – такой же ранимый и нежный, как девица. Но люди относились к лебедю как священному существу не только из-за его слабости. Нам кажется, что этот скрытый смысл, может быть, связан с символикой невесты-лебедушки в русском свадебном фольклоре. У нас мало материалов о символике лебедя в карельских свадебных обрядах, так что объяснить все это сложно, но если принять во внимание характер свадебных обрядов в карельской культуре, то возможно будет объяснить, почему образ лебедушки занимает в них такое важное место.

Прежде всего нам надо прояснить, что такое *лемби* в карельской культуре и как оно связано со свадьбой. Лемби в какой-то мере соответствовало значению русского слова «славутность», особенно в южнокарельской свадьбе, близкой свадебному фольклору Русского Севера. Эта близость проявляется в прямом заимствовании многих обрядовых, терминологических и других элементов, в том числе жанров свадебной поэзии. Целью настоящей работы является сопоставление этих двух свадебных традиций.

В карельской культуре свадьба – это пик обладания лемби как невестой, так и женихом. Именно в этот лиминальный период невеста делится своей лемби с подругами (они моются одной водой с невестой, парятся одним веником, пытаются первой отрезать кусочек щепки от лавки, на которой сидит невеста и т. п.) [3: 17]. В народных представлениях карелов лемби – это и сексуальная привлекательность, и особая магическая сила, способность очаровывать как можно большее количество

представителей противоположного пола. Это и внешняя, и внутренняя красота молодых (в первую очередь) людей, синтез нравственных и физических достоинств, некая изюминка, говоря современным языком, включающая в себя и честь, и обаяние, и домовитость, и счастье, и добрую славу, и удачу, и внешнюю привлекательность, то, что в наши дни подразумевают под словами «харизма» и «сексапильность» [3: 17–18]. В любовной магии привлечь лемби – значит усилить свою очаровательность, потому что обладающей лемби будет легко выйти замуж и иметь много детей [3: 5–6]. То есть лемби – что-то вроде жизненной силы у женщин.

Здесь нам надо вспоминать образ лебедя в свадебных обрядах Сибири:

50. ПОД НИТЬЮ, НИТЬЮ ЛЕБЕДЬ КИКАЕТ

Под китью, китью лебедь кпкает, В терему девица расплакалась

О своей об русской косе,

О своей о кистке шелковой. Батюшку кликать – голосу нет, Голосу нет и речь не течет;

– Батюшка, поди косу расплети, Надвое разложи... [11: 33].

52. ЗА КЛЕТЬЮ, КЛЕТЬЮ

За клетью, клетью,

За стеной белой каменной.

Не бела-то лебедушка воскакала:

– Батюшка, дойди, русу косу расплети!

– Бог с тобой, мое дитятко! Расплетут косу подруженьки,

Косу расплетут, по плечам раскладут [11: 33].

В сибирских свадебных песнях мотив лебедя появляется в сцене разлуки с волей. Эти песни исполняются в обряде расплетания косы. Р. П. Потанина писала: «Расплетание невестинной косы в большинстве сибирских сел совершалось в утро венчания перед баней. Невеста в сопровождении подруг шла на кладбище на могилу умерших отца или матери и причитала там, прося у умерших благословения к венцу. Девушки исполняли песни невесты-сироты» [11: 24].

Здесь очень интересно, что обряд расплетания косы исполнялся на могиле. Это означает, что невеста хотела получить помощь от загробного мира в момент расплетания своей косы. Потому что расплетание косы – первый обряд, в котором девушка расставалась с предметами, символизирующими ее девью красоту и волю. Это ритуальное расставание невесты с девичьей вольной жизнью.

76. КРАСОТА ЛЬ ТЫ, МОЯ КРАСОТА

...

Ой, не брошу-то я свою девью красоту,

Ой, не брошу-то я свою девью красоту

Да не в огонь-то и во не пламеню,

Не в (З)дунай-то лй реку быструю,

Не в (З)дунай воду холодную [11: 44].

Невеста плачет, что не бросить ее волю ни в огонь, ни в Дунай-реку. Дунай-река означает границу в иной мир. Д. А. Мачинский рассмотрел наименование Дунай, и отметил, что в фольклоре «Дунай-граница, ...Дунай-река, за которой (или в связи с которой) смерть и опасность. Эти сюжеты и мотивы своими истоками уходят в древнейшие пласты славянского обрядово-мифологического сознания и связаны с образом реки-границы, отделяющей “свой” и “чужой” мир (при различных конкретных реализациях этих понятий в связи с ситуацией войны, смерти, свадьбы или в рамках эпоса)» [10: 160], [18].

Выше мы отмечали, что на Севере известны сцены, когда невеста-лебедушка уходит от стада подруг-лебедушек. В Сибири более магически выражали эту сцену так – отпускать волю за Дунай.

Раньше мы сравнивали волю невесты с тоской в любовных заговорах [21: 139–141]. Обряд прощания с девьей красотой (волей) – это ритуальное расставание невесты с девичьей вольной жизнью, понятие о которой в русской свадьбе и свадебной поэзии издавна было связано с набором предметов-символов [2: 125]. Тоска в лечебных заговорах (отсушить любовь) тоже как будто является собой некий предмет, потому что, когда человек хочет снять с себя тоску, вместо нее он снимает некий предмет. Когда невеста прощается с волей, воля улетает птицей в далекую сторону. Также в любовных

заговорах исполнители «отпускают тоску» как персонаж за горы, в далекую сторону. Тоска и воля предстают существами, способными своей магической силой причинять вред.

По нашему мнению, воля не только символизирует душу невесты, но и способна представлять как отдельная ипостась и имеет свой облик как существо нездешнего мира.

Лемпи (в северо-карельских диалектах – лемпи) тоже несет не только внутреннее очарование и красивую внешность. «Лемпи... сравнима с болезнью, которую могут наслать при помощи магии и от нее же при помощи этой самой магии вылечить... лемпи воспринималась, прежде всего, как физическая тяга, влечение, т. е. некая физиологическая сила... лемпи – это некая эманация души, жизненной силы человека в период его полового созревания» [7: 96, 97, 99].

В северо-карельских плачах во время обмывания умершего просили «отбелить мной выпестованное дитя до белизны вольных лебедей», чтобы он мог попасть «к белым/светлым прародителям». Иногда в причитаниях карелов-ливвиков лебедям уподобляется «девичья воля»: «с каким ветром из этих баенок белые волюшки улетят белыми лебедями» [4: 160], [17: 159].

Мы видим, что «лебедь» символизирует душу покойного и «лебедушка» – девью красоту, волю. Воля становится слишком сильной на пике свадьбы, поэтому надо отвести опасность от самой невесты.

Интересно, что, как отмечают многие исследователи, в некоторых ситуациях лебедь символизирует душу покойного. Так, Э. Г. Рахимова пишет в своей статье следующее:

В беломорскокарельских причитаниях по покойному слово «лебедь» в падеже-эсииве (единственного или множественного числ) представлено в совсем ином смысловом наполнении. Регулярно встречающийся в плачах деминутивный суффикс вызывает неполноту вербального совпадения с рунами, несмотря на стабильность падежа. Страстно желанное, но неосуществимое появление покойного «лебедем» / «в обличье лебеда» подразумевает чудесное орнитоморфное превращение для посмертной встречи с родными. В записи 1911 г. от знаменитой плачеи и певицы из Войницы Анни Лехтонен [Paulaharju, 1924. S. 74] представлена вербальная константа: «Eikö valkie hyväseni vallan ensimmäisinä kevätvarreksuisina valkiena valtajoutšenuisena vallan koalelis vallan ensimmäisih valvatusvanapaikkasih» – «Разве мой белый добрынюшка в самые первые весенние просветушки белым державным лебедем не прибрел бы на самые первые весенние прогалины?» [12: 48–49].

В плаче уроженки д. Хяме Калевальского района Марии Васильевны Маликиной по мужу Эго (т. е. по соседу исполнительницы на его могиле), записанном А. С. Степановой в 1963 г. [КП, 1976. С. 97, № 40], три периода включают вариативные ОСС: чудесных птиц, стоперых птиц и, наконец, цветастых золотых лебедей: «kukkahina kultajouččenuisina» [12: 49].

Примечательно также, что, согласно поверьям, лебедь может переходить через границу этого и того света. Приведем запись передачи финской компании Юлейсрадио (Eero Ojanen <https://yle.fi/uutiset/3-8460663>) Myyttiset linnut ennustivat suomalaisille avioeroa ja kuolemaa от 19.11.2015:

Лебедь для человека священная птица, которая по карельским и финским верованиям жила на границе двух миров и могла переплывать из одного мира в другой (имеется в виду лебедь реки Туони, реки потустороннего мира Туонелы или Маналы). Лебедь мог приносить вести из иного мира. Археологи раскопали в Финской Карелии могилу ребенка, тело которого было положено сверху на лебединое крыло.

Э. Г. Рахимова пишет о том же: «лебедь фигурирует в сюжетах героико-мифологических рун калевальской метрики. Например, по одному из вариантов, Лемминкяйнен гибнет, пытаясь застрелить лебедя на черной реке Туонелы, что было последней из трудных задач при сватовстве к Деве Похьолы» [12: 52]. Э. С. Киуру доказывает эквивалентность лебеда и шуки по сюжетной функции в открывающей руну сцене «Kilpakosinta» – «Состязание в сватовстве». Иносказательно сообщается, что жених едет «на охоту за гус(ын)ями, на смотрины к длинношеим» [Киуру, 1993. С. 28, 86], а эти птицы как объект охоты могли мыслиться как воплощение «девичьей воли», на которую посягает брачными притязаниями жених [12: 52].

То есть, верили, что в карельской культуре лебедь является существом иного мира, и он может переходить туда и обратно. Он наделен особой силой лиминального существа и способен забрать охотника в мир мертвых.

Однако материалов подобного рода все же пока не хватает для окончательного подтверждения гипотезы о том, что русские Севера заимствовали символику лебедушки от карелов. Чтобы доказать это, нужны более подробные исторические, лингвистические, антропологические и генетические сведения о Русском Севере. Известный исследователь карельского фольклора А. П. Конкка в личном письме автору сообщает, что «уже тогда, 6 тысяч лет назад, лебедь на Онежском озере, то есть в нынешней Карелии

был самой популярной и, думаю, священной птицей еще с самых древнейших времен. Слово JOUTSEN – JOUCEN (лебедь) одно из самых древних финно-угорских слов, ему может быть и пара тысяч лет».

В своей работе А. П. Конкка пишет:

...в карельских песнях промыслового периода «добывание жены» описывается как охота, жених выступает в виде охотника и многие речевые обороты взяты из мира промысловика... В карельских свадебных песнях калевальской метрики невеста сравнивается с разными птицами, в том числе лебедь... А в карельских причитаниях зафиксированы метафорические замены терминов «невеста» и «девичья воля» на слова, обозначающие животных и птиц, лебедь в их числе.

А. П. Конкка пришел к следующему выводу: «В переходном обряде, каковым является и свадьба, актуализируется и активируется круг понятий, связанный с субстанцией человеческой души. Ипостаси ее, выраженные как в предметных, так и в вербальных ритуальных символах буквально заполняют собой весь пространственно-временной континуум свадебного обряда»[6: 299].

Можно сказать, что лебедь в карельских семейных обрядах открывал ключом волшебную дверцу.

И все же мы, по крайней мере, можем утверждать, что символика лебедя в карельской культуре близка образу девицы в русских свадебных причитаниях. Нам видно, что в русских свадебных причитаниях тоже часто изображается сцена охоты сокола на белую лебедушку. Воля невесты здесь является добычей жениха [22: 42]. Еще раз вспомним таблицу «Образ птиц в свадебных причитаниях на Русском Севере». Бросается в глаза, что невеста обычно называется лебедушкой, но если в той же сцене появляется девичья воля, то невесту называют не лебедушкой, а голубушкой. А девичья воля называется «лебедушкой» вместо невесты. То есть лебедушка не обязательно указывает персонажа-невесту, именно она считается самой душой. Потому что изначально лебедь являлся символикой покойной души в карельской культуре.

У русских образы лебедя в свадебной поэзии часто используются с магической целью – ради совершения судьбоносного священного перехода. И это не удивительно, что русские взяли от лебедя магическую, священную силу вместе с внешней красотой и поместили ее на место невесты в пике жизни женщины, то есть в момент свадьбы.

Вполне вероятно, что древние славянские верования смешались с верованиями исконного населения этих земель и сами начали изменяться и развиваться под их влиянием. Возможно, в древности образ лебедя на территории севера славянского ареала и Карелии знаменовал душу покойного, а с течением времени оказался связан со свадебной обрядовостью, и теперь лебедушка в русских свадебных причитаниях символизирует брачующуюся девушку.

Л. И. Иванова пишет:

Считалось, что после свадьбы слишком большая лемби и не нужна. Сохранились примеры описания обрядов, когда замужним женщинам, которые были неверны своим мужьям, даже «роняли» (sorrettih) лемби. Основными локусами проведения таких ритуалов были глухие ламбы, откуда ничего не вытекает и куда ничего не втекает, большие неподвижные камни и кладбище. По народным представлениям, именно слишком пылкая и высокая лемби была причиной супружеских измен. Здесь можно говорить, что такая излишняя лемби в пору замужества трактовалась как некое болезненное сексуальное влечение [5: 71–72].

Любовная болезнь – это не просто боль, вызванная безответной любовью, это как болезнь, которая является меланхолическим горем из-за любви. Симптомы и проявления болезни любви всегда связаны с болью и страданиями, такими как бессонница, депрессивные мысли, потеря аппетита, пренебрежение своими обязанностями и, если болезнь не лечится должным образом, безумие и смерть [16: 178].

То есть невесте-воле, у которой есть лемби, обязательно расстаться с невестой для счастливого брака. Это не только имеет функцию поднять очарование невесте, но и приносит трагедию. Потому что у нее есть загробная магическая сила. Поэтому в Сибири долго сохранялся обряд расплетания косы, связанный с образом лебедя. Это самый важный момент для свадебного обряда ^ш.

^ш

Искренно благодарна А. П. Конкке за большую помощь в сборе материалов и многочисленные советы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1) Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX–начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. 277 с.
- 2) Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М., 2012. 936 с.
- 3) Иванова Л. И., Миронова В. П. Магия поднятия лемби и свадьба в карельской народной культуре. Исследования и материалы. JUMINKEKO. 2014. 224 с.
- 4) Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. Часть первая. М., 2012. 557 с.
- 5) Иванова Л. И. Понятия лемби и Лемпи в карельской мифологии // Сборник научных статей Всероссийских конгресс фольклористов. М., 2019. С.70-80.
- 6) Конкка А. П. На плечах большой медведицы. Избранные статьи. Петрозаводск. 2015.(2014). 342 с.
- 7) Конкка А. П. О заговорах «поднятия лемпи» из собрания фольклорного архива Финского литературного общества (SKVR: Беломорская, Приладожская и Северная Карелия) // Методика полевых работ и архивация фольклорных, лингвистических и этнографических материалов. Материалы VI научно-практического семинара. Петрозаводск, 27-28 марта 2013 г. Петрозаводск. 2013. С. 88-104.
- 8) Конкка У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск. 1992. 295 с.
- 9) Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М., 2010. 424 с.
- 10) Мачинский Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Рус. Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 110-171.
- 11) Обрядовые песни русской свадьбы Сибири/Сост. Р. П. Потанина.—Новосибирск: Наука, 1981. 320 с.
- 12) Рахимова Э. Г. Водоплавающие птицы в рунах калевальской метрики// Труды Карельского научного центра РАН. 2015. № 8. С. 46-55.
- 13) Русская свадьба: В 2-х тт. Т.1. М., 2000. 512 с.
- 14)Русские свадебные песни Сибири. Составление, вступительная статья и примечания Р. П. Потаниной. Новосибирск. 1979. 334с.
- 15) Русские. Серия «Народы и культура» Отв. ред. В. А. Александрова, Н. С. Полищук. М., 1997. 828 с.
- 16).Савборг Даниел. Страсть и колдовство в древнескандинавской литературе. W świat bogów, ludzi i zwierząt, Festschrift для Leszek Slupecki, ред. Якуб Мора-век и др., Жешув, 2022. 464р. р. 177-201 [последний проект]
- 17) Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск. 2004. 304 с.
- 18) Творогов О. В. Дунай // Энциклопедия "Слова о полку Игореве": В 5 т. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2. Г—И. — С. 149—151.
<http://feb-web.ru/feb/slovEnc/es/es2/es2-1491.htm?cmd=p&istext=1>
- 19) Устная поэзия тунгусских карел. Сост. А. С. Степанова. Петрозаводск. 2000. 383 с.
- 20) Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии. М.: Б.и., 1889. 73 с.
- 21) Ямагути Р. Концепты “воли” и “тоски” в русской свадебной лирике // Ученые записки Орловского государственного университета. Орел. 2022. С.139-141.
- 22) Ямагути Р. Символика птиц в свадебных причитаниях Русского Севера // Федосовские чтения. Материалы научно-практической краеведческой конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Федосовой. Петрозаводск. 2017. С.37-42.

References

- 1)Bernshtam T. A. The youth in the ritual life of Russian community 19- early 20 century. : The aspect of

gender and age in the traditional culture. Leningrad. 1988. 277 p.

2) Gura A. V. The marriage and wedding in the Slavonic folk culture: the semantic and the symbolic. Moscow. 2012. 936 p.

3) Ivanova L. I., Mironova V. P. Magic of “raise the lembi ” and wedding of the Karelian folk culture. The analysis and materials. JUMINEKO. 2014. 224 p.

4) Ivanova L. I. The Persona in the Karelian mythological proses. The analysis and texts. Volume 1. Moscow. 2012. 557 p.

5) Ivanova L. I. Concepts of Lembi and Lempi in Karelian mythology//Collection of scientific articles of the All-Russian Congress of Folklorists. M., 2019. 70-80pp.

6) Konkka A. P. On the shoulders of a big bear. Selected papers. Petrozavodsk. 2015(2014). 342 p.

7) Konkka A. P. About charms of “raise the lempi ” from the collection of folklore archive in the Finnish literature association (SKVR: White Sea, Ladoga and North Karelia) //The Method of field works and archives of folklore, linguistic and ethnographic materials. Materials of the VI scientific and practical seminar. Petrozavodsk, 27-28 th on March 2013. Petrozavodsk. 2013. 88- 104 pp.

8) Konkka U. S. The poetry of sadness. Karelian ritual lamentations. Petrozavodsk. 1992. 295 p.

9) Loginov K.K. The traditional life cycle of the Russian Vodlozeriya : rituals, habits and conflicts. Moscow. 2010. 424 p.

10) Machinsky D. A. "Danube" of Russian folklore against the background of East Slavic history and mythology // Rus. North: Problems of ethnography and folklore. L., 1981. 110-171pp.

11) Ritual songs of the Russian wedding of Siberia/Const. R P. Potanina. - Novosibirsk: Science, 1981. 320 p.

12) Rakhimova E. G. The Natatorial Birds in the Rune-Poems of the Kalevala Me-ter//Proceedings of the Karelian Research Centre of the Russian Academy Sciences. 2015. № 8. 46-55 pp.

13) The Russian wedding: volume 1. Moscow. 2000. 512 p.

14) Russian wedding songs of Siberia. Drafting, introductory article and notes by R. P. Potanina. Novosibirsk. 1979. 334 p.

15) Russian. Series “People and culture” Chief editor Aleksandrova V. A., Plishuk N. S., Moscow. 1997. 828 p.

16) SÄVBORG DANIEL. Passion and Witchcraft in Old Norse Literature. W swiecie bogów, ludzi i zwierząt, Festschrift for Leszek Słupecki, ed. Jakub Morawiec et al., Rzeszów, 2022.— 464p. 177-201pp. [last draft]

17) Stepanova A.S. Explanatory dictionary of the Karelian language of lamentations. Petrozavodsk. 2004. 304 p.

18) Tvorogov O. C Danube // Encyclopedia "Words about Igor's regiment": In 5 volumes - St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1995. Vol 2. G-I. - 1995. 149—151pp.

<http://feb-web.ru/feb/slovEnc/es/es2/es2-1491.htm? Cmd=p&istext=1>

19) The Oral poetry of Tungusic Karelian. Editor Stepanova A. S.. Petrozavodsk. 2000. 383 p.

20) Kharuzin N. From materials, collected among the famers in the Pudozh district, the Olonets Province. Moscow. 1889. 73 p.

21) Yamaguchi Ryoko The concepts of “volja” (freedom) and “toska” (melancholy) in the wedding lyrics//Scientific notes of Orel State University. Orel. 2022. 139-141pp.

22) Yamaguchi Ryoko The symbol of birds in the wedding lamentations of North Russia// Readings in Memory of I.A. Fedosova. The materials of the scientific-practical conference on regional studies devoted to the 90th birthday of I.A. Fedosova. Petrozavodsk. 2017. 37-42 pp.

Swan symbolism in wedding rituals

**YAMAGUCHI
RYOKO**

*PhD in Philology,
Lecturer,
Doshisha University, Faculty of global and regional
studies,
KYOTO, JAPAN, cjv52910@icloud.com*

Keywords:

symbolism
swan
life cycle
wedding

Summary:

Many researchers have studied the symbolism of the swan and the connections between wedding and funeral rituals in Russian wedding lamentations. However, understanding the genesis and development of this genre requires a broader perspective that extends beyond a narrow national framework. This paper suggests that there may be deeper covert meanings linked to Karelian culture. The aim of the study was to investigate why the bride is portrayed as a swan in wedding lamentations. The research is novel because previous studies have primarily focused on descriptive accounts and have been valuable mainly for the systematization of material. In contrast, this article delves into the interactions with Karelian culture and uncovers the essence of the Russian wedding ceremony.